

Казачій Союз

BULLETIN DE L'UNION DES COSAQUES
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНІЯ КАЗАЧЬЯГО СОЮЗА **1952**
EDITION DU COMITE CENTRAL D'UNION DES COSAQUES (arr. du Ministre de l'Int. J. O. No 276 — 1949).

MARS-AVRIL
PARIS

Адрес редакції и казначея Казачьяго Союза:
Mr N. N. Evsceff. 116, rue Vaillant Couturier. Nanterre (Seine).
ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

МАРТ-АПРѢЛЬ
ПАРИЖ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Всѣх атаманов, казаков и казачек всѣх Войск поздравляем со свѣтлым праздником и шлем сердечныя пожеланія.

В этот Великій день, в разсѣяніи сущіе, направим наши помыслы в родныя Края, славой казачьей овѣянные.

Много лѣт Войскам Казачьим! Много лѣт всѣм казакам!

Центральное Правленіе
Казачьяго Союза.

* * *

Переживаемое нами время ужасно. Тяжкія испытанія выпали на долю современнаго казачества. Много пролито уже крови и никто не знает, какія еще жертвы потребуются от обезкровленнаго казачества.

Но, знаем мы, что, сохранившее вѣрность вѣрѣ православной и хранимое Покровом Пресвятыя Богородицы, казачество не погибнет никогда. Знаем мы также, что никто другой не станет бороться за нас и за наше, правое дѣло. В нашей борьбѣ со слугами діавола мы можем рассчитывать только на свои собственныя силы, да на помощь Божію.

Бог же помогает только твердым, смѣлым, мужественным. Пророк Моисей часто обращался к своему народу и его вождям: — «Будте тверды и мужественны, не бойтесь и не страшитесь» (Второзак., гл. 31, ст. 6).

С такими призывами обращались к народу в Ветхом Завѣтѣ цари, пророки, священники и левиты.

В Новом Завѣтѣ апостолы постоянно напоминают христіанам о необходимости быть твердыми, стойкими, ревностными. «Бодрствуйте, — взывает апостол Павел к коринѣянам, — стойте в вѣрѣ, будьте мужественны, тверды» (1 Коринѣ., гл. 16, ст. 13).

Рѣки с быстротекущей водой отличаются чистотой, свѣжестью; болото же потому и болото, что в нем нѣтъ движенія, от этого оно и нечисто, и нездорово.

Будущее Казачества зависит только от нас самих — казаков, от нашей жертвенности, от нашей нравственной чистоты, от твердости нашей вѣры.

Ф. С. Родин.

Христос Воскресе! Привѣтствую Казачество всѣх Войск со свѣтлым Праздником св. Пасхи и желаю скорѣйшаго возвращенія на Родину.

Митрополитъ Владимиръ

Общеказачья Касса Взаимопомощи поздравляет всѣх казаков и казачек с радостным праздником Христова Воскресенія.

Христос Воскресе!

Древле-православное братство свв. ап. Петра и Павла поздравляет всѣх казаков со свѣтлым Праздником Христова Воскресенія и в качестве скромнаго пасхальнаго подарка поминает сіе изображеніе оленя на Донской, казачьей землѣ.

Мы с Тѣм, Который напоил нас источником жизни

От глубокой древности христіане употребляли символы и аллегоріи. В изображеніи их язычник не мог найти ничего страннаго, однако же христіане видѣли в таких изображеніях напоминаніе об основных истинах их ученія: пальма напоминала им о побѣдѣ над грѣхом, рыбы и чаши — о возрожденіи крещеніем, птицы и якоря — о христіанской надеждѣ, олени пьюшіе воду — об утоленіи духовной жажды евангельским ученіем, дельфины с корзиной хлѣба и вина на спинѣ — Христа, преподающаго нам в спасительную сиѣдь свое Тѣло и Кровь...

(Церковь № 14.

Старообрядческой церковно-общественный еженедѣльник. 1911 г. Москва, Биржевая пл., дом Рябушинских).

С Ъ Ч Ъ

«Украина плачет».
Т. Шевченко.

Трещат жидовскіе шинки.
Гуляет Сѣчь. Держитесь ляхи!
Сегодня — завтра казаки
Проньют послѣднія рубахи.
Кто на Сѣчи теперь не пьян;
Но кто посмѣет пьяных трогать?
Свой лучшій выпачкал жупан
Сам атаман в колесный деготь.
Хмельный вино для казака,
Когда близка его дорога,

И смерть для каждаго легка
Во имя вольности и Бога.

В поход, в поход! Гуляет голь,
Гуляют старые старшины, —
В поход за слезы и за боль
Порабощенной Украины.

За честь поруганной страны
Любой казак умрет, как витязь.
Ясновельможные цаны,
Готовьтесь к бою — и держитесь!

Николай ТУРОВЪРОВ.

ГОГОЛЬ

К столетию его кончины
1852—1952

«А ну, перекрестись».

О Гоголь писалось и будет писаться еще много книг. Его литературное наследство исключительно и с трудом поддается обычному учету. Далеко не все в творчестве Гоголя было благополучно (см. исследование Мережковского «Гоголь и черт»). Редакция нашей газеты, чураясь вообще всякой чертовщины, отнюдь не собирается снижать ширину творческого размаха Гоголя, приводя только маленькіе отрывки из того, что писалось им о казачестве. Замѣчательно, что гоголевское казачество внѣ исторической эпохи, — когда именно мог существовать Тарас, персонажи «Вія» и «Страшной мести»? Но именно, в этом, «внѣ времени и пространства», казачество Гоголя и приобретает свою убѣдительную, немеркнущую, какую-то дѣйствительно сверхъестественную силу.

«...Бульба был упрям страшно. Это был один из тѣх характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV вѣк на полукачующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россія, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набѣгами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здѣсь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных сосѣдей и вѣчной опасности, селился он и привыкал глядѣть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свѣтѣ, когда бранным пламенем объялся древлемирный славянской дух и завелось козачество — широкая разгульная замашка русской природы, и когда всѣ порѣчья, перевозки, прибрежныя пологія и удобныя мѣста усѣялись козаками, которым и счету никто не вѣдал, и смѣлые товарищи их были в правѣ отвѣчать султану, пожелавшему знать о числѣ их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то казак» (гдѣ маленький пригорок, там уж и казак). Это было точно необыкновенное явленіе русской силы: его вышибли из народной груди огниво бѣд. Вмѣсто прежних удѣлов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вмѣсто враждующих и торгующих городами мелких князей, возникли грозныя селенія, курени и околицы, связанные общою опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже извѣстно всѣм из исторіи, как их вѣчная борьба и безпокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набѣгов, грозивших ее опрокинуть... Кончился поход, — воин уходил в луга и пашни, на днѣпровскіе перевозки, ловил рыбу, торговал, варил пиво, и был вольный казак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, котораго бы не

Портрет работы В. Барсова.

знал казак: накурить вина, снарядить телѣгу, намолотить пороху, справиться кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропалую... Стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всѣх сел и мѣстечек и прокричать во весь голос, ставши на телѣгу: «Эй, вы, пивники, броварники! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным тѣлом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосѣи, овцепасы, баболубы! полно вам за плугом ходить, да пачкать в землѣ свои желтые чоботы, да подбираться к жінкам и губить силу рыцарскую! пора доставать казацкой славы!» И слова эти были — как искры, падавшія на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кади и разбивали бочки, ремесленник и торгош посылали к чорту и ремесло, и лавку, бил горшки в домѣ, — и все, что ни было, садилось на коня...

...Одна бѣдная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала их слезами. Она глядѣла на них вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась в одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила их собственной грудью; она возрастила, взлелѣяла их — и только на один миг видит их перед собой. — «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?» говорила она, и слезы остановились в морщинах, измѣнивших прекрасное когда-то лицо ея. В самом дѣлѣ, она была жалка, как всякая женщина то-

го удалого вѣка. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидал ее, для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа в год два, три дня, и потом нѣсколько лѣтъ о нем не бывало слуху. Да и когда видѣлась с ним, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только из милости; она была какое-то странное существо в этом сборищѣ безженихъ рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслажденія мелькнула перед нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси без лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжного и страстного в женщиѣ, — все обратилось у нея в одно материнское чувство. Она с жаром, со страстью, со слезами, как степная чайка, вилась над дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милых сыновей берут он нея, — берут для того, чтобы не увидѣть их никогда! Кто знает, может-быть, при первой битвѣ татарин срубит им головы, и она не будет знать, гдѣ лежат брошенные тѣла их, которыя расклюет хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она им в очи, когда всемогущій сон начинал уже смыкать их, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отѣзд; может-быть, он задумал оттого так скоро ѣхать, что много выпил»...

... «Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать!» произнес, наконец, Бульба. «Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всѣм присѣсть».

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

«Теперь благослови, мать, дѣтей своих!» сказал Бульба: «моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, к матери: молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасает!»

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла им, рыдая, на шею. «Пусть хранит вас... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ...» Далѣе она не могла говорить...

...Наконец, они миновали предмѣстье и увидѣли нѣсколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора, или тѣх

низеньких домиков с навѣсами на низеньких деревянных столбиках, какіе были в предмѣстьи. Небольшой вал и засѣпка, не хранимые рѣшительно никѣм, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дорогѣ, посмотрѣли на них довольно равнодушно и не сдвинулись с мѣста. Тарас осторожно проѣхал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» отвѣчали запорожцы. Вездѣ, по всему полю, живописными кучами пестрѣл народ. По смуглым лицам видно было, что всѣ они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сѣчь!...

... Тарас скоро встрѣтил множество знакомых лиц. Остап и Андрій слышали только привѣтствія. «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп!» — «Откуда Бог несет тебя, Тарас?» — «Ты как сюда зашел, Долото? Здорово, Кирыга! Здорово, Густый! Думал ли я видѣть тебя, Ремень?» И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? что Бородавка? что Колопер? что Пидсышок?» И слышал только в отвѣтъ Тарас Бульба, что Бородавка повѣшен в Толопанѣ, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсышкова голова посолена в бочкѣ и отправлена в самый Царыград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: «Добрые были казаки!»...

... Остапу и Андрію казалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сѣчь бездна народу и хоть бы кто-нибудь спросил: откуда эти люди, кто они и как их зовут? Они приходили сюда, как будто бы возвращаясь в свой собственный дом, откуда только за час перед тѣм вышли. Пришедшій являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа вѣруешь?» — «Вѣрую!» — отвѣчал приходившій. — «И в Троицу Святую вѣруешь?» — «Вѣрую!» — «И в церковь ходишь?» — «Хожу!» — «А ну, перекрестись!» Пришедшій крестился. — «Ну, хорошо!» — отвѣчал кошевой: «ступай же, в который сам знаешь, курень». Этим оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣчь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстью жида, армяне и татары осмѣливались жить и торговать в предмѣстьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула из кармана денег, столько и платили. Впрочем, участь этих корыстолюбивых торгашей была очень жалка: они были похожи на тѣх, которые селились у подошвы Везувія, потому что как только у запорожцев не ставало денег, то удалые разбивали их лавочки и брали всегда даром. Сѣчь состояла из шестидесяти слишком куреней, которые очень походили на

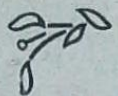
отдѣльныя независимыя республики, а еще болѣе на школу и бурсу дѣтей, живущих на всем готовом. Никто ничѣм не заводился и ничего не держал у себя: все было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил названіе батька. У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата, каша и даже топливо, ему отдавали деньги под сохран...

... «Я семерых убил шляхтичей своею рукою, а такого убранства еще не видѣл ни на ком». И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять с него дорогіе доспѣхи, вынул уже турецкій нож в оправѣ из самоцвѣтных камней, отвязал от пояса черенок с червонцами, снял с груди сумку с тонким бѣльем, дорогим серебром и дѣвическою кудрею, сохранно сберегавшеюся на память. И не услышал Бородатый, как налетѣл на него сзади красноносый хорунжій, уже раз сбитый им с сѣдла и получившій добрую зазубрину на память. Размахнулся он со всего плеча и ударил его саблей по нагнувшей-

ся шеѣ. Не к добру повела корысть казак: отскочила могучая голова и упал обезглавленный труп, далеко вокруг оросивши землю. Понеслась к вышнякам суровая казачья душа, хмурясь и негодуя, и вмѣстѣ с тѣм дивуясь, что так рано вылетѣла из такого крѣпкаго тѣла...

... Но когда подвели Остапа к послѣдним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: Боже! все невѣдомыя, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотѣл бы слышать рыданій и сокрушеній слабой матери, или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в бѣлые груди; хотѣл бы он теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумным словом освѣжил его и утѣшил при кончинѣ. И упал он ситою и выкликнул в душевной немощи: «Батько! гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?..»

«Слышу!» раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул...

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

(СИБИРСКІЕ КАЗАКИ).

Закрыв глаза, я вижу их
В угрюмых шрамах боевых, —
Таких могучих и суровых...
Их поступь звонко тяжела,
На лбу забота залегла,
Но ищет взгляд просторов новых...
Силен и вѣрен взмах руки,
Прямые плечи широки,
Скупы слова, улыбки рѣдки.
Вояки с ног до головы —
Они всѣ были таковы.
Во тѣмъ исчезнувшіе предки!
За доблесть дѣл, за горечь ран
Им пѣсен не слагал баян:
Их славный путь прошел украдкой.
Лишь в старой записи, порой,
Про подвиг чей нибудь лихой
Расскажут сдержанно и кратко...
Манил Восток... Сіяли льды...
Влекли звѣриныя слѣды
В тайгѣ загадочно-дремучей...
В засадах ждал раскосый враг...
Но шли они — за шагом шаг —
Ничѣм неотвратимой тучей!
С равнин родного Иртыша
Все дальше, дальше, не спѣша,
По диким станам, без дороги,
Несли побѣду казаки, —
И выросли городки,
И мрачно щерились остроги.
В забытых малых крѣпостцах,
Преодолевши женскій страх,
Казачки вѣк свой коротали.
Глубоко прятали печаль,
Мужей напугивали в даль
И — не дождавшись — умирали...
У тѣх была прямая цѣль:
Искать невиданных земель,
Терпѣть тоску полярной ночи,
Блуждать, гдѣ не был человек,

И к берегам сибирских рѣк
Влачить дощанники и кочи.
Застывших мамонтов стада
Они встрѣчали иногда
В печальном неживом просторѣ,
И колыхало смѣльчаков,
Средь грозно наплывавших льдов,
Студеное сѣдое море...
Чутьем весенних птичьих стай
Нашли они Даурскій край,
Гдѣ виноград обился с дубом.
И шелк амурских бололей
В подарок слали — для царей —
С тысячелѣтним «рыбьим зубом».
Был туг и медлен ход вѣков.
И вот руками казаков
Разрушен заговор природы.
И грудь нетронутой земли,
Что тишь с безлюдьем беретли,
Одѣли ласковые всходы.
Давно покорны дикари,
Вездѣ, куда ни посмотри,
Все тонет в сытости и мирѣ.
И мѣдный православный звон
Гудит, летит со всѣх сторон
По русской ставишею Сибири!
Прекрасна юная страна
Глядит в грядущее она.
Но сказ времен о ней невѣдом.
Ее узнать и впрямь и вкось
Лишь в трех столѣтьях удалось
Моим неутомимым дѣдам!
Они стрѣляли, хмура бровь,
В несчетных стычках лили кровь,
Они рождались что-б бороться
И в строгой ревности своей
Обогатили трон царей
Безвѣстные землепроходцы!

Марія ВОЛКОВА.

КАЗАЧЬЯ ВОИНСКАЯ СИЛА

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

▲
ПАМЯТНИК
ЕРМАКУ
В НОВОЧЕРКАССКЪ.
Рисунок
НАТ. ТУРОВЪРОВОЙ.
▼

Сибирское войско

Официальное старшинство с 1582 года декабря 6-го, когда посланный Ермаком атаман Иван Кольцо с товарищами поклонился Иоанну Грозному царством Сибирским.

Войско составляло: Гвардейскую полсотню л.-гв. в Сводно-Казачий полк.

1. Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк. Ведет основание с 1850 г. Полковое знамя — простое «1852-1909», с Александровскою юбилейной лентой, пожалованное в 1909 г. Две георгиевския серебряныя трубы (в 4-ой сотни) «За дѣло при селеніи Хакиховат в 1875 году», пожалованныя в 1876 г. Знаки отличія на головныя уборы (в 1-ой и 2-ой сотнях) «За штурм города Андижана 1-го октября 1875 года», пожалованные в 1876 г.

Вѣчный шеф полка (с 1882 г.) Ермак Тимофеев (Тимофѣевич).

Ни дата рожденья, ни происхожденье, ни само имя Ермака неизвѣстны.

Одни стараются вывести его из Суздаля, как внука посадкаго челоуѣка этого города Афанасія Григорьева Аленина, другіе считают его родиной Каму, производя прозвище Ермак от Ермолая или Еремѣя или Германа. Донское же казачье преданіе, из рода в род, называет Ермака — Василій Таган, станицы Качалинской, с атаманства которой Ермак и начал свои подвиги, уйдя с нѣсколькими сотнями донцов вольничать на Волгу. «Вольничанье» казаков Ермака заставило московское правительство снарядить против него специальное сильное войско, которое во главѣ с казанским воеводой, стольником Иваном Мурашкиным разгромило в 1577 году отряд Ермака; однако, сам Ермак со своими помощниками Иваном Кольцо, Яковым Михайловым, Никитой Паном, Матвѣем Мешеряком и пятью сотнями казаков избѣжал плѣна и казни, уйдя, вверх по Волгѣ, на Каму, гдѣ и получил приглашеніе полных хозяев этого края, купцов-солеваров, Строгановых поступить к ним на службу для защиты «Великой Перми» от восточных сосѣдей. Дальнѣйшая подробная біографія Ермака, рѣшеніе спорнаго до сих пор вопроса кому — Строгановым или самому Ермаку — принадлежала инициатива сибирскаго похода, выходит из рамок этих кратких замѣток о вѣчных шефах казачьих полков, которые мы даем в «Воинской силѣ ка-

зачьих войск». Оставовимся хронологически только на фактах.

1 сент. 1581 года Ермак во главѣ отряда в 840 челоуѣк (540 казаков и 300 строгановских работников, с вооруженіем из пушечек и семипядных пищалей) выступил в поход за «Большой Камень» (Урал), — на Сибирь, плывя на стругах вверх по рѣкѣ Чусовой. Через 6 дней Ермак достиг границы сибирскаго царства, основавъ первое укрѣпленіе «Кокуй-городок». Двигаясь дальше, разоряя сибирскіе улусы наводя панику на невиданных никогда огнестрѣльное оружіе татар, Ермак заставил их царя Кучума мобилизовать против казаков всѣ имѣющіяся в его распоряженіи силы. Ермак разбивает, однако, конницу царевича Маметкула на берегу Тобола, громит в 16 верстах от Иртыша рать князя Карача, снова разбивает оправившагося Маметкула, встрѣтив, наконец, главныя силы татар, во главѣ с самым Кучумом, в укрѣпленіи под Чувашевым на 52-ой день своего похода, 22-го окт. 1581 года. Кровавый бой (казаки потеряли 107 челоуѣк) на слѣдующій день кончился вничью; с обеих сторон рѣшался вопрос «быть или не быть». Казаки отошли, окопавшись в «Атикѣ-городкѣ», в казачьем станѣ раздались голоса «итти назад». Ермак заставил замолчать малодушных и был прав: как 60 лѣт послѣ этого, в «Азовском сидѣннн», дух побѣдил материю: татарская армія разбѣжалась, бѣжал и сам Кучум, — дорога в столицу его царства Сибирь (Искер) была открыта, куда и вошел Ермак 26-го октября.

Первый этап покоренья Сибири казачьей храбростью был закончен, начался второй: покореніе казачьим челоуѣческим отношеніем к побѣжденным, вселивших в них довѣріе к побѣдителям.

Однако, дряхлый, ослѣпшій Кучум, бѣжавшій в Ишимскую степь, с энергіей, достойной всяческаго уваженія, продолжал партизанскую войну с казаками, что заставило Ермака весной 1582 года предпринять смѣлый поиск по Иртышу и Оби, взять остяцкій Назым (на приступѣ котораго был потерян Никита Пан и нѣсколько казаков, а они уже всѣ, буквально, становились на перечет!) захватить живьем царевича Маметкула (на рѣкѣ Вагаѣ) и вернуться в Искер. Отсюда Ермак извѣстилъ о своем положеніи Строгановых и отправил Ивана Кольца с товарищами к Иоанну Грозному — «бить челом Царю Московскому — царством Сибирским».

Иван Кольцо добрался до Москвы только зимой 1582-го года, не особенно рассчитывая на многія и богатыя милости от Царя, помятуя о Ермаковской «вольницѣ» на Волгѣ, всего пять лѣт тому назад. Царь принял Ивана Кольцо 6 декабря, в день св. Николая Угодника (отсюда этот день и стал войсковым праздником сибирских казаков), и не только не вспомнил Ермаковы «шалости» на Волгѣ, но назвал его князем Сибирским, дав ему всю полноту власти в новом краѣ, приказав

только Маметкула прислать в Москву и назначив на поддержку Ермаковой рати воеводу князя Семена Болховскаго со стрѣльцами.

В это время Ермак ходил в землю вогуличей, распространил свою власть в древней землѣ Югорской до рѣки Сосвы и, когда прибыли осенью 1583 года в Искер из Москвы Иван Кольцо, воеводы кн. Болховской и Глухов со стрѣльцами, то казалось, начиналась золотая эра Ермаковской эпопеи: царское жалованье, подарки, титул сибирскаго князя, московскіе ратники... Однако, одарив дорогих пришельцев драгоценными мѣхами, как то не рассчитали собрать на зиму на пришельцев и на себя провіант. Ударила сибирская зима, в столицѣ Сибири в Искерѣ, во выюгах, в снѣгах, в желѣзных морозах, в голодухѣ, ударила цыганга: помирили ратники, помер и воевода Болховской... Весною стало легче от голодухи, но и труднѣе от снова возставших татар. В своем улусѣ Мурза Карача вырѣзал своих гостей 40 казаков во главѣ с Иваном Кольцо; там же погиб, пошедшій на выручку, Яков Михайлов; татарва необозримой ордой обложила Искер; Ермак увидѣл себя в тѣсной осадѣ: быстро было завоевано Сибирское царство, еще быстрѣе, казалось, терялось оно, — осталось только нѣсколько саженой укрѣпленій Искера. Но 12-го іюня, послѣдній уцѣлѣвшій из помощников Ермака Матвѣй Мешеряк с частью казаков отчаянным ночным поиском ударяет по татарским тылам, рѣжет их, сонных (в том числѣ 2-х сыновей Карачи) и заставляет снять осаду. Ермак, со слабою уже дружиною (всего 300 челоуѣк) преслѣдует татар, снова распространяя свои владѣнія до Ишима, до рѣки Шиши.

Спустя два мѣсяца, получив извѣстія, что, все еще несдающійся, Кучум не пропускает в Искер бухарских купцов, Ермак на стругах поплыл им навстрѣчу по Иртышу, всего только с 50 казаками и, не найдя их, в ночь с 5-го на 6-ое августа 1584 г. безпечно заночевал на берегу. Татары напали на сонных казаков и всѣх перерѣзали, — кромѣ двух: один бѣжал в Искер, другой, Ермак, бросился в Иртыш, но не доплыл до своих стругов, — стальная броня, дар царя Московскаго князю Сибирскому обременила его силы. Стояла бурная ночь — «Ревѣла буря, дождь шумѣл — Во мракѣ молнія блистала...» Кто не знает этих Рылѣвских строк, ставших такой популярной пѣсней.

Однако, трехлѣтнее царствованье князя Сибирскаго, донскаго казака Ермака открыло и закрѣпило пути Россійскаго Державѣ на восток, создавъ ея авангард в этом направленіи — Сибирское казачье войско.

Никаких достовѣрных изображеній Ермака не сохранилось и не могло сохраниться: кто и когда мог его зарисовать?

Карамзин в своей исторіи его описывает: «Ермак был видом благороден, сановит, росту средняго, широк плечами; имѣлъ лицо плоское, но пріятное, бороду черную волосы темныя, кудрявыя, глаза свѣтлыя, быстрыя...»

О так называемом знамени Ермака скажем в слѣдующем номерѣ нашей газеты, в продолженіи о воинской силѣ сибирскаго казачьяго войска.

(Продолженіе слѣдует).

Краткій очерк исторіи черкесскаго народа

Из всѣх многочисленных народностей Кавказа слова «черкес» и «казакъ» приобрѣли всемирную извѣстность. Исторія казачества болѣе или менѣе всѣм извѣстна, но мало кому извѣстна исторія черкесскаго народа. До 60-лѣтней войны Россіи с «погибельным» Кавказом, казаки и черкесы жили в большой дружбѣ. И тѣ и другіе были воины, достойные друг друга. Это не мѣшало время от времени дѣлать набѣги, послѣ чего заключалось обыкновенно «куначество» (т. е. священная дружба). Черкесы передали казакам многіе свои обычаи, костюм, модель оружія и в особенности любовь к лошади и особую школу верховой ѣзды и джигитовку. Это названіе произошло от слова «джигитъ», каковым часто казаки называли черкесов).

Во время кавказской войны, несмотря на военныя дѣйствія, русское общество отнеслось с большой любовью к своим противникам. Русскіе знаменитые поэты, в своих извѣстных всѣм поэмах, воспѣли рыцарство, любовь к свободѣ и вѣрность черкесскаго народа.

Когда черкесы вошли в состав русскаго народа, они с казачеством вмѣстѣ отличались во всѣх войнах, которыя вела Россія. Это был единственный народ в Россіи, который был освобожден от воинской повинности, ибо его считали природным воином. Дикія дивизіи в войнѣ 1914 г. доказали безошибочность такого взгляда. Настали тяжелыя времена коммунизма и черкесы немѣдленно присоединились к знаменам генерала Корнилова. Черкесская конница под командой доблестнаго генерала Султана Келеч Гирея неоднократно спасала положеніе во время тяжелаго Ледянаго похода и мнѣ лично, в составѣ этого полка пришлось неоднократно убѣдиться в природных боевых качествах этого народа. Впервые взявши винтовки без всякой военной подготовки — это не была конная банда, а напротив, на рѣдкость представляли из себя дисциплинированную боевую единицу.

Коммунистическая совѣтская банда, захватив всю Россію, нанѣсла жестокой удар всему казачеству, а черкесская и без того умиравшая нація была почти уничтожена. Жаль, ибо исторія этого народа крайне интересна и утопает в глубокой древности. Черкесы называют себя «Алнге» и занимали Кубанскую, Терскую области и берега Чернаго моря. Дѣлились они на десять независимых племен, а именно: 1. Большая и малая Кабарда, 2. Шапсуги, 3. Натухай, 4. Абалзехи, 5. Хатукай, 6. Бжелуги, 7. Жанд, 8. Темиргой, 9. Бесленей и 10. Махот. Всѣ эти племена абсолютно ничего не имѣя общаго с остальными народностями Кавказа, говорили на одном языкѣ, имѣли одни и тѣ же обычаи, управлялись князьями старшими в родѣ, при которых состояли совѣты из старѣйшин. Кромѣ того имѣлись дворяне (ворки и уздени) и султаны. Послѣдніе про-

исходили от побочной линии крымских ханов и были принуждены бѣжать из Крыма. Они были приняты черкесами на правах почетных гостей черкесских князей. Во время кавказской войны многіе из них перешли в Россію, гдѣ нѣкоторые достигли крупных военных чинов. Письменной грамоты черкесы не имѣли. По преданію, один мудрый старец изобрѣлъ буквы и грамматику, но архангелъ Гавріилъ явился, все разорвал и сказал: «Черкесскій языкъ долженъ быть также свободен, как и черкесы*»). К сожалѣнію этот ангелъ сдѣлал почти невозможным изученіе исторіи этого народа. По данным Клавдія и Тацита горскіе народы Кавказа упоминаются в арміи Ксеркса за 480 л. до Р. X. Грекам черкесы были извѣстны под именем Зюксои (Zuxoi). Под этим названіем они встрѣчаются у Арріана в его описаніи Ponti Euxini, составленном при импер. Адрианѣ, по порученію котораго он обозрѣвал берега Чернаго моря. Жившіе у берегов Чернаго моря Синды и Керкеты несомнѣнно принадлежали к черкесам. Константинъ Багрянородный называет землю черкесов, прилегающую к Черному морю, Сихіею, а выше лежащую страну Казахіею, которая граничилась с Землею Алланов (осетин). Согласно Георгію Интеріано, писавшему около 1562 г., черкесы занимали весь восточный берег Азовскаго моря, откуда они были вытѣснены татарами: Шейхъ Эддинъ Дамаскій в своих записках упоминает о народѣ, жившем на сѣв. берегах Чернаго моря по имени «Эзкеш». По мнѣнію Д-Оссона «Des peuples du Caucase», это тѣ же самые «Zuxoi», названіе, под которым греки и итальянцы подразумевали черкесов. Конечно, очень трудно за неимѣніем письменных черкесских трудов прослѣдить исторію этого народа. Будучи еще студентом, я пользовался каждым случаем, чтобы спросить у глубоких стариков о происхожденіи черкесов и всегда был один отвѣтъ: «Мы из Шама» (т. е. Сиріи). Это названіе упоминается также в их народных пѣснях. Болѣе точных указаній мнѣ никто из них не мог дать. Невольно приходитъ мысль, не имѣет ли это связь с Великим Рамессом II, который царствовал в Египтѣ от 1392 — 1341 г. до Р. X. Этот величайшій побѣдитель (у греков он почему-то извѣстен под именем Сезострис) завоевал всѣ народы Африки, Азіи и почти дошел до Зап. Европы. Между прочим, он прошел всю Сирію, гдѣ до настоящаго времени еще имѣется его огромный рельеф с надписью. Извѣстно так же, что он проник к берегам Чернаго моря. Не являются ли черкесы остатками его огром-

ной арміи, как напримѣр, осетины являются остатками от Крестовых походов. Но удивительнѣе всего, что тѣх же черкесов мы находим в Египтѣ под именем мамелюки, с которыми впоследствии воевалъ Наполеон во время его африканскаго похода. О происхожденіи их имѣется много варіацій, но мнѣ казалось бы болѣе правильнымъ предположить, что это другая половина сирійскаго народа из арміи Рамесса II. При халифѣ Альмутасимѣ в 833 г. черкесы мамелюки состояли в его гвардіи в 70.000 человекъ. В 1390 г. черкес Баркукъ взшел на египетскій престолъ и основал черкесскую династію, которую сверг в 1517 г. турецкій султанъ Селим I, повѣсив послѣдняго шаха Туманъ бея II. Во второй половинѣ XVIII в. черкесы-мамелюки снова стали главенствовать в Египтѣ до наполеоновскаго похода. Будучи при русском посольствѣ в Константинополь я познакомился с многими потомками мамелюковъ, языкъ которыхъ очень приближался к черкесскому, что также доказываетъ связь этих двух народов. Участь их также одинаковая. Они оба постепенно исчезаютъ как уже исчезли многіе древніе народы. Между прочим из книгъ извѣстнаго турецкаго историка Табаривилно, что всѣ черкесскіе князья ведут свое происхожденіе из черкесской египетской династіи. Послѣ того как турки завоевали Египет, многіе члены этой династіи принуждены были бѣжать и спасаться, кто, гдѣ мог. Одному из них, а именно Абдан-хану, удалось проникнуть через Византію к берегам Чернаго моря, гдѣ сын его Кесъ был провозглашенъ княземъ над горскими народами. Ему наследовалъ Адо, при сынѣ котораго Хуруфатлаъ произошли раздѣленіе горцев на 10 племен. Родоначальникомъ кабардинскихъ князей сдѣлался Инал, имена же остальныхъ не указаны. Что касается Русской Исторіи, то черкесы извѣстны были под именемъ Косогов. В X в. князь Святославъ, перейдя Кубань, поразилъ косогов и яссов, т. е. абазинцев. В XI в. князь Мстиславъ Ярославичъ в единоборствѣ убилъ князя косогов Редедю. Черкесы долго оплакивали смерть своего князя и до сих пор еще в каждой пѣснѣ черкесы прибавляютъ теперь непонятный припѣвъ: «О, Редедя, о Редедя махо ореда, о Редедя тахо» (Редедя многосчастливый Редедя). Спрашивается почему же он счастливый? Счастливый он потому, что черкесы жестоко отомстили уничтоживъ все тмутараканское княжество, имя коего с XII в. исчезло.

«Тмутаракай ухуньме» (да постигнетъ тебя тмутараканская участь) «Тмутаракай ух» (будь ты тмутараканецъ), до сих пор сохранилось у кабардинцев, как высшее проклятіе.

Князь В. Н. Гаджимуков,

член Кубанской Краевой Ряды.
(Продолженіе слѣдует)

*) Во время ген. Деникина авторъ этой статьи всетаки составилъ азбуку и грамматику черкесскаго языка и издалъ первую газету «Плдыз» («Звѣзда») на этомъ языкѣ, которая имѣла огромную популярность среди черкесов.

Уральцы на охранѣ Китайско-Восточной ж. д.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

— Да, но дисциплина?! Какая распущенность! Это не казаки, а разбойники! Чорт знает что такое! Я прекращу эту вольницу! — говаривал Николай Николаевич.

Дальше шло все хуже и хуже.

Пришли в Харбин. Построек еще нѣтъ. Казаки стали лагерем в палатках, в рошѣ, около Харбина. Все честь честью. Кругом глиняный заборчик. Внутри стройные ряды палаток. Есть и казачьи, и для арестованных.

Дешевка продуктов сказочная. Курица — 7 коп., а то и в обмѣн на пустую бутылку. Ханшин (по-казачьи ханжа) 15 коп. фляга с добрый штоф. Ханжа — китайская просынная водка, не очищенная, сивуха. Крѣпкая! Крѣпче русской. А главное, пьян два дня чловѣкъ. Выпьет завтра воды и снова готов.

Так вот этой ханжой уральцы стали баловаться. Появились пьяные. Ну, значит, и арестованные. Многие пьянствовали, а уральцы особенно.

Правду говоря, тоска была страшная; никакого дѣла казакам не было; лошади еще не прибыли, и люди томились от бездѣлья.

Николай Николаевич борется с гидрой пьянства, а осилить ее не может. Сажает казаков под арест, ставит под винтовку. Ничего не помогает.

Помню, я был дежурным по отряду. Под вечер слышу пьяную пѣсню. Горланит кто-то отчаянно. Подошел я к палаткам и слышу, что пьяный орет около караульной палатки. Подхожу к караулу. В нарядѣ были уральцы. Часовой на мѣстѣ. Вызвал караульного начальника. Вышел в полном порядкѣ урядник Х. Отрапортовал мнѣ о благополучіи.

Спрашиваю его: — Кто это у тебя так горланит?

Он ютивѣчает: — Арестованный, уральской сотни урядник Краснятов.

— Так почему же ты позволяешь ему так орать?

— А они, ваше выс-діе, хмельны!

— А!... Кто же его арестовал?

— Так что сотенный командир, ваше выс-діе!

Я потребовал показать мнѣ записку об арестованіи и, пока караульный начальник лазил в палатку, я подумал, что странная эта манера арестовать напившегося казака и не довести об этом до свѣденія дежурнаго офицера.

Когда я увидѣл записку, то от злости свѣта не взвидѣл. Урядник Краснятов арестован уже четыре дня тому назад на 7 суток за непрерывное пьянство.

Тогда я говорю караульному начальнику:

— Как же это так? Четыре дня урядник Краснятов пьяный? Что это такое? Что это значит?

— Ваше высокоб-діе, когда я заступил в караул ур. Краснятов не были пьяны. А вот послѣ обѣда и напились! — докладывает караульный начальник.

— Да как же, — говорю, — ты смѣл пропустить ему водку?

— Я, ваше выс-діе, им водки и не про-

пущал. Чего ж с им подѣлаешь? Высочит из палатки, да через заборчик. А там манзы с сулеями. Вот они нахватаются, а потом назад, в карец.

— Да как же ты позволяешь ему уходить!

— Не позволяю я им, выше выс-діе. А они сами вдруг да и бѣгут. Чего ж тут дѣлать?

— Как что? Ты же знаешь по уставу: если арестованный бѣжит, часовой должен стрѣлять!

Урядник смотрит на меня с нескрываемым изумленіем и говорит:

— Это в станичника то?

Ну, словом... Николай Николаевич потерял голову, казаки понурились и мы ожидали какой-нибудь бѣды. Взаимная неприязнь между командиром сотни и казаками была очевидна.

Выручил Николая Николаевича и спас положеніе Василій Іович.

Пришел он, как-то, с вечерним рапортом к своему сотенному командиру и, когда начался разговор о том, что и как на завтра дѣлать, Василій Іович и говорит:

— Прикажите, Николай Николаевич, выкопать арестантскую яму.

— Что это такое? — удивился Николай Николаевич.

— А так, что аршина 3½-4 глубиной. Значит, пьянаго туда на веревках; он и отойдет. Потому высочить не может, и поднести водки часовой не допустит. Так суток трое отсидит в ямѣ. Гляди, ему и не в повадку будет пьянствовать. Прикажите, Николай Николаевич!

Задумался Николай Николаевич. Не указано такое дѣло в уставѣ! Вот так хорош будет гвардейскій офицер! Однако, вспомнил вдруг, что теперь он казак, а Василій Іович недаром «с шядой бородой».

— Распорядитесь, Василій Іович! — рѣшил Николай Николаевич.

— Слушаюсь, ваше выс-діе. Дозвольте итти, Николай Николаевич?

— Идите, Василій Іович.

— Счастливо оставаться, ваше выс-діе! — произнес вахмистр и, повернувшись «кругом» по строевому, вышел из комнаты.

На другой день уральцы, под руководством Василія Іовича, копали обширную и глубокую яму, а к вечеру туда спустили на веревках перваго питомца-пьяницу. Казаки думали сначала, что это шутка.

Какая шутка! Вот и караул, и часовой. Приуныли казаки и забурчали на жизнь в Манчжуріи:

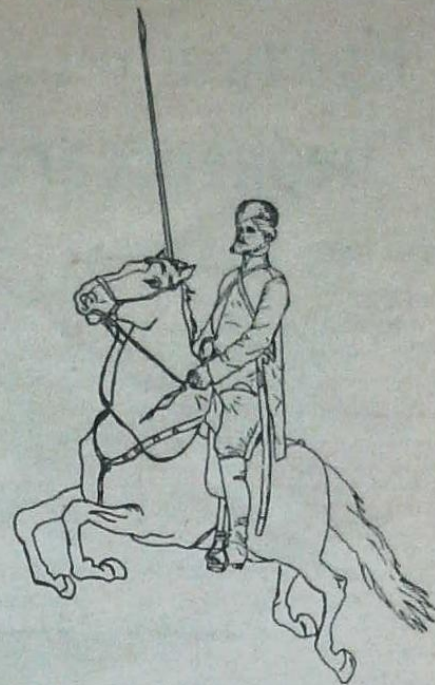
— Кормовых не хватает.

— Янгрощ не хлопочет.

— А Якимовскій в яму сажает...

Насчет кормовых, положим, сбрехали, ибо суточный оклад в то время был 50 коп.: при тогдашней дешевкѣ — ѣшь, не хочу! На выпивку, конечно, не рассчитывалось, так что «Янгроща» казаки облыжно обвиняли.

А вот Якимовскій «дѣйствительно» в яму сажал и досаждал до того, что доказал казакам, что он самый настоящій

им командир, и сотню от пьянства выльчил. Послѣ того казаки любить его — не любили, но почитать и побаиваться стали. Кто его знает, еще чего выдумает?

Вскорѣ подошли кони, и сотни разошлись на посты, по разным линіям. На каждый строительный участок в 120, примѣрно, верст, было назначено по одной казачьей сотнѣ. Уральцы отправились на западную линію, т. е. в направленіи на Цицикар.

Начались работы по изысканіям и временным сооружениям, и казаки втянулись в свою специальную службу по охранѣ и конвоированію.

Время шло и все болѣе сглаживало острые углы между Николаем Николаевичем и его уральской сотней. Чловѣкъ он оказался спокойный и уживчивый, а его казаки-уральцы показали себя воспитанными, вѣжливыми и опрятными, а в исполненіи служебных обязанностей — точными и смѣтливыми. Вѣрнѣе сказать — умными. Это хорошо отразилось на отношеніях между сотней и техническим персоналом строительнаго желѣзнодорожнаго участка.

Но вот вспыхнуло боксерское возстаніе. Харбин был окружен большими массами китайцев повстанцев, и сотни, расположенныя на охранѣ участков по всем трем линіям, оказались отрѣзанными от центра и от своего главнаго штаба.

Участки, полные служащих, их семей и тысяч китайцев, иногда христіан, а иногда просто чуждых боксерскому движенію, оказались в смертельной опасности.

Дѣло их спасенія было служебной обязанностью и долгом чести сотен Охранной Стражи Кит.-Восточной жел. дороги.

Ввиду отрѣзанности сотен от Харбина, и самаго Харбина от всего міра, от высших русских властей послѣдовало распоряженіе: — всѣм участкам, соответственнo линіи, на которой они были расположены, отступать и стягиваться; западным — к Хайлару, восточным — к ст. Пограничной, и южным — к Порт-Артуру.

В этих трех районах должны были сосредоточиться отряды генералов Орлова, Айгустова и Субботина и, по сосредоточеніи, начать движеніе на освобожденіе Харбина и для подавленія возстанія. Сот-

ням Охранной Стражи надлежало войти в соответствующие отряды.

Пришлось, значит, и Николаю Николаевичу Якимовскому взять под свою охрану служащих с их семьями, участковую кассу и примкнувших китайцев, организовать огромную колонну обоза и, прикрыв своей сотней, повести тысячи людей от ст. Анда в далекий поход на Хайлар.

Много пришлось казакам потрудиться и непрерывно драться с окружающими колонну боксерами.

Много мужества, отваги и боевой доблести проявили и командир сотни, и его славные уральцы; а когда, наконец, колонну довели счастливо до Хайлара, до района сосредоточения отряда генерала Орлова, то поняли и командир, и уральцы, что они друг друга глубоко почитают за все то, что пришлось им друг другу показать в боях.

С этих пор имена Н. Н. Якимовского и уральской сотни неразрывно связаны.

Между прочим, в первый день похода, в самый трудный день приведения всего в порядок и налаживания только что начатого движения колонны и ее защиты произошел случай, показавший чрезвычайную, поразительную воинскую доблесть уральцев.

Положение оступающего участка осложнилось тем, что по полученным сведениям, в направлении на ст. Анда — Цицикар, двигалась тридцатитысячная армия генерала Ма. (В конце 1931 года, около Цицикара действовал снова какой-то генерал Ма! Может быть, это одно и то же лицо?).

Когда колонна обоза уже вытянулась, и сотня, выслав дозоры, заняла в походном порядке надлежащее место, из рядов сотни вдруг раздался голос какого-то казака:

— Николай Николаевич! А разъезд в сторону наступающего противника?

Николай Николаевич тотчас спохватившись, ответил:

— Ах, да!

Но это было в первый раз за всю до этого его жизнь и службу, что ему приходилось посылать разъезды в сторону наступающего противника. Проще говоря, он не знал, будучи пехотинцем, как это делается. Однако, приказ, никого не удививший, отдал, крикнув:

— Урядник Краснятов, выйди!

Вы спрашиваете, какой это урядник Краснятов?... Да, да, тот самый, — пьяница, который, будучи арестован за пьянство на моем дежурстве по отряду вновь напился и горланит песни. Тот самый!

Да! Тот, да не тот!

Из строя лихо, орлом вылетел урядник Краснятов и, подскакав к сотенному командиру и отдавая честь, громко и отчетливо произнес:

— Ваше выс-дие! Изволили требовать урядника Краснятова!

— Послушай, Краснятов, возьми с собой одного казака и поѣзжай в разъезд в сторону наступающего противника. Наблюдай за неприятелем и доноси мне о виденном — отдал приказание командир сотни.

Урядник Краснятов отчетливо и твердо, по-уральски ответил:

— Ваше выс-дие, вы мне приказали взять казака, отправиться в разъезд в

сторону противника, наблюдать за им и доносить вам чего увижу.

— Правильно! — ответил капитан Якимовский.

Теперь урядник Краснятов — самостоятельный начальник по исполнению полученной задачи. Отдав честь еще раз и круто повернув коня, он подскакал к идущей сотне и крикнул:

— Казак такой-то, выйди ко мне!

Когда казак подъехал к нему, он скандовал:

— Жа мной! Рышью!

Вскорь юба казака, рысью двинувшись назад, скрылся из глаз.

Колонна продолжала свой путь. Двигались медленно, нудно. Было жарко и сильно парило. То и дело раздавались с раз-

ных сторон выстрелы. Части сотни все время посылались то в ту, то в другую сторону, отгонять наступающих китайцев. До следующей станции переход был большой, — около тридцати верст. Колонна идет почти без остановок, ибо остановиться на привал нельзя; китайцы, все равно, не дадут отдохнуть; придется драться; и отдыха не будет, и время пропадет.

Наконец, усталая, голодная и измученная колонна подошла к станции, которая завтра, в свою очередь будет оставлена. Сзади всех идет сотня уральцев во главе со своим командиром.

Генерал К. Н. Хагондоков.
(Продолжение следует).

К вопросу о выборах Донского Атамана

Помышляя настоящую статью, редакция считает нужным напомнить читателям о том, что она уже писала в № 2 «К. С.» (стр. 8), а именно: «Страницы газеты открыты для всех и редакция, по мере возможности, помышляет даже те статьи, с мыслями которых она не вполне согласна, а потому, как общее правило на будущее время, ответственность за статьи, подписанные полным именем, несет их автор, редакция отвечает только за свой собственный материал».

За века существования казачества отдельные группы его семь раз покидали родные края и, изучая историю этих казачьих эмиграций, каждый казак может установить, что казачество за рубежом, на основе своих традиций, никогда не выбирало своих Атаманов с присвоением к их званью, наименования покинутой родной территории, а выбирало лишь походного Атамана.

Вопреки своим конституциям, первые нарушили святость их Кубанцы, а Донцы, не желая отстать, перецеголяли и выбрали двух «донских» атаманов и, стремительно катясь по наклонной плоскости, до неузнаваемости изуродовали основные законы Всевеликого войска Донского, учредив преемственность власти по какому-то, не слыханному в истории казачества сомнительным завещанию. Этот ненужный, чрезвычайно вредный, снижающий просто человеческое достоинство, процесс, под злорадную усмешку изгнавших нас, под недоуменными чувствами младших братьев других войск, привыкших видеть в лице головного Донского войска вковую мудрость, под грустные, тоскливые вздохи старых рядовых офицеров и казаков и под непонимающими взорами молодой эмиграции, сопровождался раздорами, вздорами и поливанием соединенной воды, земли и отбросов, совершенно забыв о необходимости создания живой, творческой силы. А такую можно создать лишь на основе вечных, непрекаемых, никакими силами не изменяемых в казачестве и освященных Духом Святым законов: братства и любви.

Возвращаясь к теме настоящей статьи, с чувством глубокого обожания быта, традиций казачества и основных законов Вс. В. Донского я и утверждаю, что вопроса о выборах Донского Атамана просто не может быть, так как без донского народа и без территории Дона мы — небольшая группа — не имеем права заниматься незаконными выборами, а прак-

тически рассуждая, внимательно осматриваясь кругом, и исследуя психологию варужбного казачества позволительно задать вопрос: да нужны ли эти выборы? Атаман без средств (которых казаки по опыту 30 лет не дают) ничего абсолютно сделать не может, и т. обр., избрав лучшего казака, мы ставим его в смешное положение: без средств и без власти.

При таком положении вещей было бы гораздо целесообразней создать братское объединение живой силы казачества и всем вливаться в ряды Казачьего Союза! Двери его тепло и радушно открыты для всех казаков и правых, и левых.

Внимательно наблюдая за деятельностью Каз. Союза в продолжении трех лет, совершенно объективно констатирую, что благодаря ли особенной работоспособности и энергии самого председателя, его политической и религиозной вытерпимости, большой общительности и обязательности, братско-сердечной примиряемости; благодаря ли удачному подбору сотрудников Центрального Правления, дружно без излишних дискуссий работающих, отсутствия приоритета какого-либо войска над другим, забота о стариках и впавших в бедственное положение, ласка к подрастающему поколению. Влияние ли Св. Духа, особенно сказывающегося в дни молений (Пасха, Рождество, Покров и день казачьей скорби) и собраний, всегда многолюдных, Казачий Союз крепнет, ширится, вбирая в себя все новых и новых членов со всех уголков земного шара.

Простота, скромность, сердечность, правдивость, уважение личности, «какой бы не был он страны», предупредительность, лояльность к соседям — другим народам, отсутствие критики других организаций, любовь старины «глубокой с ее истинным братским народоправством, почитание и верность мудрым законам казачества. Вот та духовно-пфлительная атмосфера, которая царит в этом культурном союзе».

Нѣтъ у него также обширных, широко-обшательных программ и деклараций, а в программѣ лишь единственный пункт: «С Божьей помощью спасти окровавленное казачество!...»

Союз, созданный на вѣчных основах: молитва, братство, равенство и свобода, безусловно имѣет будущее. Партизанщина-же, партийность, обычно, разъѣдающія не только организаци, но даже государства, имѣют иногда временный пафос, скоро выдыхающійся. Отдѣленіе и изображеніе какой-то касты с «глубокой» кровью недолговѣчно; отрыв же небольшой нашей войсковой старшины от казачьей массы — великій грѣх. Большинство из нас (в том числѣ и я грѣшный) возвысились б. м. не по личным заслугам, а благодаря лишь доблести и жертвенности казачества; отсюда вытекает не только обязательныя чувства благодарности, но и великаго долга достойно держаться этой высоты, ибо чѣм не выше, тѣм ближе к небесам, а там вѣдь нѣтъ личнаго, а только лишь общее.

На наших глазах, как метеор пролетѣл наш талантливый казак П. Н. Краснов. Он тоже под влияніем чар, может быть и плѣнительных, от Невской воды, художественно колебался, но в концѣ концов, перед близкой уже смертью, нашел мужество всенародно покаяться и громко сказать: — «Нѣтъ той жертвы, которую я не принес бы, чтобы спасти родившее меня казачество!» И эту жертву, приняв и наши грѣхи войсковой старшины, он принес на Казачьей Голгофѣ, приобщившись к казачьим мученикам, которые освѣщают нам — живым — казачій путь! И их-то молчаливых, в торжественной тишинѣ, могилы мудрѣ нас громко говорящих.

Будировать вопрос о выборѣ Донского Атамана, самостійно отрывается от других войск, когда сама жизнь за рубежом давно уже стерла эти маленькія загородки по войскам, мѣшающіе лишь обще-казачьему единству, когда уже всѣ народы говорят об евразійском единеніи, заниматься нам этим вопросом не поучительно; все-же, «чтобы не было раздора между вольными людьми» — донцами, рѣшить это можно тихо, мирно и полагаю разумно слѣдующим образом.

Петр Харитонович Попов был законным Походным Атаманом на Дону. От этого званія никто его в сущности не отрѣшал и он сам от него не отказывался. А послѣ смерти А. П. Богаевского он, по существу, и является естественным возглавителем Донских казаков за рубежом. Отсюда: будирующей войсковой старшиной подчиниться ему, как старшему казаку Дона и по лѣтам и по чинам.

Так как ген. Попов, вдобавок, — носитель историческаго имени; — своим «степным походом» ясно показавшій, что вручать военно-политическое руководство лицам чуждым казачьему мировоззрѣнію губительно для казачества, собравшій своевременно Круг Спасенія Дона, от котораго и пошел «сплох» по другим войскам, — предложить этому достойнѣйшему казаку быть Почетным Предсѣдателем Ка-

зачьяго Союза. Это не Соломоново рѣшеніе, а желаніе старых ветеранов рядового офицерства и казачества; иное рѣшеніе закончится конфузом, т. к. казаки в большинствѣ от каких либо выборов откажутся.

Казачій Союз взял на себя почетную и великую миссію подготовительнаго собранія живой, творческой и жертвенной силы. Какіе-то сроки приближаются. Когда они настанут, имѣя уже сильный улей пчел, — казачество найдет мудрость поставить быстро во главѣ достойнаго обще-казачьяго Походнаго Атамана.

Будем же всѣ мы достойны наших великих предков. Будем вѣрны нашим законам. И если «блажен лишь тот, кто посягнул сей мір в его минуты роковыя», то блаженнѣе и тот, кто до гроба остался вѣрен своим святыням, а именно: основным законам казачества! Это изумительный по мудрости историческій документ; это — большой вклад в мировую культуру; это — прообраз общежитія народов, стремящихся к общечеловѣческому идеалу... Это не только умно и мудро написанный документ, но это отраженіе духовной красоты роднаго нашего казачества. Это — именно — святыня. За эту святыню казаки не тысячами, не сотнями тысяч, а миллионами, ложились, как подкошенная трава с лазоревыми цвѣтами, на всѣ четыре стороны, уплотняя казачью степь благородными тѣлами. Для нѣкоторых поучительны и болѣе показательны цифры. Я их не имѣю по полкам и войскам, а потому ограничусь лишь своим родным Георгіевским Гундоровским полком.

За 2½ года командирами полка были: ген. Гусельщиков — ранен и убито под ним 2 лошади, ген. Коноводов — два раза ранен и убито под ним 7 лошадей, полк. Шевырев — 2 раза ранен, полк. Ершов — тоже, полк. Фетисов Порфирій — убит, полк. Фетисов Иван — убит, В-сотн. Сухо руков — убит, Вст. Закотнов — ранен, полк. Аникѣев — ранен и умер, полк. Усачов — ранен. Ни один из командиров не оставался цѣл и невредим. Убито штаб- и обер-офицеров — 104. Убито урядников и подхорунжих 8193 человек (простых казаков и приказных в Георгіевском полку не было).

Вот — исключительная жертва вѣрности своим святыням. Полагаю, что и другіе полки также принесли эту жертву, а также и войска Европейскіе и Сибирскіе, в особенности уральцы, почти поголовно уничтоженные.

А по сему, уродовать, искажать кровью написанные законы, — значит кощунствовать; отречься от них, во имя личнаго временнаго, значит повторить жест Петра в минуту роковую отрешающагося от Христа и предать казачество на распятіе!

Во имя этих великих жертв, будем же мирны, дружны, едины и, влившись в Казачій Союз, да ниспошет Спаситель Мира цѣльность души и мудрость созданія творческой силы для спасенія родившаго нас Казачества. Генерал И. Н. Коноводов.

В послѣднюю минуту

В послѣднюю минуту, когда в типографіи этот номер был уже набран и сверстан, редакціей получено офиціозное извѣщеніе об инициативѣ проявленной членами Круга по созданію комиссіи для выборов Донского Атамана.

К глубокому сожалѣнію это извѣщеніе поступило слишком поздно для того, чтобы на страницах этой газеты ему было отведено должное мѣсто. С большим трудом выкроено мѣсто для настоящих строк.

Служа интересам общеказачьяго единенія, мы не в правѣ отказывать организациам отдѣльных войск, когда они обращаются к нам с просьбой способствовать их информаций, если она не ведет к очевидному расколу. Так поступили мы и теперь, вкладывая в этот номер газеты присланную нам информаций. Искренно желаем, чтобы благополучное разрѣшеніе этого весьма важнаго и труднаго вопроса укрѣпило единеніе донского казачества.

ХРОНИКА

ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ.

В Мюнхенѣ создано Общеказачье Объединеніе на всю Западную Германию, насчитывающее больше семисот казаков:

Kosaken Vereinigung Wildenroth, 53. Post Grafrath Obb Munich.

ЧИЛИ.

Атаманом Общеказачьей станицы в Чили избран Н. Е. Залозный, его помощником полк. К. К. Улагай и писарем В. И. Грѣшинов:

Senor Zalozny Joze Domingo Canas 1600. Santiago — Chile.

ДОНСКОЕ ВОЙСКОВОЕ ОБЪЕДИНЕНІЕ

На общем собраніи донцов в Парижѣ, 23-го марта, под предсѣдательством В. С. Крюкова и секретарствѣ А. Н. Туровѣрова признано желательным организовать Донское войсковое объединеніе для рѣшенія донских вопросов. Работа объединенія намѣчена в самом тѣсном содружествѣ с Казачьим Союзом и взаимной всецѣлой поддержкѣ. Для организации Объединенія выбрана комиссія в составѣ: М. Г. Божков, В. Е. Донсков, Ф. С. Еисѣев, В. С. Крюков, А. С. Кулягин, М. С. Пономарев, В. Н. Романов и Б. Н. Уланов.

ДОКЛАДЫ

За послѣднее время на открытих собраніях Казачьяго Союза в Парижѣ были сдѣланы доклады: «Терское казачье войско в гражданскую войну» генералом В. Ф. Бѣлогорцевым, «Уроки Февраля» Н. С. Мельниковым-Разведенковым и «Казачество перед лицом современности» генералом И. Н. Коноводовым.

ОБЩЕ-КАЗАЧЬЯ КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ.

На состоявшемся годовом собраніи г. членов кассы 23 февраля 1952 г., вновь переизбрано старое правленіе: предсѣдатель В. С. Донсков, секретарь М. Г. Божков, казначей М. С. Сафонов и член правленія П. И. Нефедов. В ревизионную комиссію переизбраны: предсѣдатель К. В. Шелухов, члены комиссіи: Г. А. Мордвинов и А. И. Панов. Адрес кассы: 87-ter, Bd de la République, Boulogne-Billancourt (Seine).

Адрес предсѣдателя Казачьяго Союза: N. Touveroff, 52, av. Normandie-Niemen. Blanc-Mesnil (S. et O.).

Адрес казначея: N. Evseeff, 116, rue Vaillant-Couturier. Nanterre (Seine).

Отчет о поступленіях в кассу К. С. будет помещен в будущем номерѣ газеты.

СЕБѢСТОИМОСТЬ НОМЕРА

50 ФР.

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССІЯ: Н. Н. Туровѣров, Б. Н. Уланов, Н. Н. Евсѣев, и Н. С. Мельников-Разведенков (тех. редактор)

Directeur: Alexandre Touveroff

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordeliers, Paris.